Fallout: Equestria – The Fossil

Авторы: Lucky Ticket и Alnair.

Редактор: California.
Корректор: Astarcis.

Глава 7: Время для игры

– Нет! Не оставляй меня с ней! Она ж двинутая на всю голову! – отчаянные крики нашего пленника были слышны даже сквозь массивную железную дверь, расположенную в самом конце тёмного коридора. Мы вновь находились в центральном здании Баттерфлая. Вернее, в его подвале, который, судя по тёмно-жёлтым бочонкам угольных фильтров у меня за спиной, был когда-то санаторским бомбоубежищем. По обе стороны от нас располагались гермодвери, ведущие в бывшие жилые отсеки. Все они были наглухо закрыты, а на каждом запоре висела табличка, указывающая нынешнее назначение этих помещений: “стройматериалы”, “инструменты”, “генераторная”.

Прямоугольная дверь, к которой мы направлялись, отличалась большей шириной и наличием маленького круглого окошка, из которого лился тусклый жёлтый свет. По словам коменданта Аландера, комната, которая находилась за этой дверью, была самым мрачным местом во всём Баттерфлае, а значит, для нашей цели она подходила идеально.

Ночь была в самом разгаре, но после всего того, что случилось в лесу, спать мне совершенно не хотелось. За дверью находился единственный уцелевший враг, и он мог дать ответы на те вопросы, которые крутились в моей голове с момента выступления Базилевса на совете.

Я взглянула на Джестер. Та, судя по физиономии, то ли наслаждалась собственной репутацией, то ли предвкушала предстоящее действо. Я же нервничала и пыталась угадать, что же творилось в этой непростой полосатой голове, а главное – насколько сильно мне не понравится то, что я увижу.

Джестер прекрасно чувствовала моё волнение.

– Подумай, как следует, хочешь ли ты в этом участвовать, – выражение её лица было предельно серьёзным.

Подумай... Как-то само собой получилось, что Джестер стала для меня кем-то вроде учителя. Наблюдая за её действиями и, изредка, получая прямые советы, я постепенно осваивалась в той непростой обстановке, которая сложилась на Поверхности. И там, за дверью, меня ждал ещё один урок от неё. Неприятный, но нужный. Если извлечение важной информации требует применения грубой силы, то надо учиться её применять.

Конечно, я ожидала от серой пони, в первую очередь, хитрости и актёрской игры, а не желания поломать кости нашему пленнику, но было совершенно ясно, что вряд ли дело обойдётся одним лишь психологическим давлением. Я прекрасно помнила тот её взгляд и стиснутые зубы. Там, у лагерного костра, сидела другая Джестер, та, которую я совсем не знала. И сейчас в её глазах мерцали те самые опасные искорки, готовые, если понадобится, разжечь большой пожар.

Жуткий лязг бронированной двери заставил меня втянуть голову в плечи. В дверном проёме показался охотник, который всё это время обустраивал место для будущего допроса.

– Готово, мэм. Всё, как вы и просили, – бесстрастно ответил он.

Я повернулась к Джестер и вновь уловила её тревожный взгляд.

– Так что ты решила? – спросила она.

“Импровизировать”.

– Пропустить такое?! Ну уж нет! Я буду держать его, а ты – бить, – крикнула я задорным голосом и одновременно подмигнула своей подруге.

В ответ на моё заявление Джестер лишь ухмыльнулась:

– Ну что ты, жеребёнок, в наше время существуют более эффективные методы.

Мы вошли. Комендант не ошибся, выделив нам именно эту комнату. Обшарпанные бетонные стены, квадратные короба вентиляции с проржавевшими решётками под потолком и всепроникающая сырость. Практически никакой мебели: железный стул, к которому толстыми верёвками был прикручен наш пленник, да небольшой столик на колёсиках, на котором стоял металлический поднос, прикрытый белой скатертью. Всё это скромное убранство едва освещалось одинокой лампочкой, свисавшей с потолка. Ни дать ни взять, отличная декорация для шпионского романа.

Впрочем, недостаток освещения был с лихвой восполнен ярким лучом “Лайтбрингера”, который Джестер прямо с порога направила в лицо земнопони. Тот часто заморгал и попытался отвернуться от раздражающего пучка света.

– Додо, ты только взгляни на это жалкое подобие жеребца, – не выключая фонарик, Джестер приблизилась к связанному мусорщику вплотную. Обхватив его голову передними копытами, она принялась поворачивать её и так, и эдак. Складывалось ощущение, что серая пони искала то единственное положение, при котором можно было просветить мозг нашего пленника насквозь и извлечь из него всю интересующую нас информацию. Надо ли говорить, что парень смотрел на неё огромными испуганными глазами, словно на какого-то демона, и мычал что-то нечленораздельное. Продолжая держать его голову в копытах, Джестер задумчиво произнесла:

– У него, кажется, даже есть имя, но оно настолько унылое, что я его напрочь забыла. Как тебя зовут, парень?

Пленник попытался что-то сказать, но ему это явно не удалось. Челюсть жеребца мелко подрагивала, и, в целом, это было довольно мерзкое зрелище.

“Почему он так боится её?”

Вдоволь налюбовавшись перекошенной физиономией мусорщика, серая пони резко отвернулась от него и направилась к тому самому столику, который вызывал у меня больше беспокойство, чем любопытство.

– Так как, ты говоришь, тебя зовут? – теперь Джестер стояла к пленнику спиной и копалась в предметах, которые были скрыты под скатертью.

– П-профанити, мэм, – выдавил из себя наш пленник. Джестер прыснула. Честно говоря, я тоже с трудом подавила улыбку.

– Во имя Селестии, у тебя даже имя, как у идиота. Хочешь пирога, Профанити?

“Э?!”

– Что? – челюсть Профанити даже перестала дрожать от удивления.

– Говорю, пирога хочешь? – Джестер потянула носом под скатертью. – Еще горячий. Кажется, с черникой.

Она подошла к связанному пленнику, удерживая блюдо с еще теплым пирогом на вытянутом копыте. “Какого сена она задумала?”

Не дожидаясь ответа, Джестер размахнулась и изо всех сил воткнула блюдо с пирогом в лицо мусорщика. Я увидела, как обжигающе-горячая начинка потекла по его шее. Жеребец закричал от боли, и Джестер изо всех сил принялась втирать несчастный пирог ему в лицо. Судя по всему, Профанити поперхнулся и начал неистово кашлять, пытаясь вдохнуть воздух. Когда Джестер отняла блюдо, я увидела выпученные глаза жеребца и очень неприятные ожоги. Меня передернуло.

Серая пони неспешно обошла вокруг задыхающегося пленника, встала на передние ноги и

с оттяжкой приложила его задними копытами по спине. Бедняга хотел закричать, но оставшийся в легких воздух вышибло вместе с тем, что забивало ему дыхательные пути. Профанити стал жадно глотать воздух.

– Вот видишь, какие у нас тут пироги, – произнесла Джестер елейным голосом. – Домашние. Мы их сами делаем: выращиваем пшеницу, мелем её в муку, замешиваем тесто, добавляем лесные ягоды и печём вкусные пироги. А не перебиваемся, как вы, гнилым дерьмом двухсотлетней давности! – с этим словами Джестер с разворота приложила Профанити блюдом по лицу. – И вы пришли сюда всё это поломать? – удар. – Отвечай, когда тебя спрашивают, парнокопытное!

– Это всё она, Джестер! Это она нас подбила! – физиономия у жеребца была жуткая. Кровь из разбитого носа вперемешку с шипящим черничным вареньем, кусками пирога и слезами из покрасневших глаз.

– Кто? Пегаска? – Джестер приподняла его подбородок копытом и теперь смотрела жеребцу прямо в глаза. Сейчас я видела свою подругу с другой, не знакомой мне стороны; наверное, так смотрели зебры на наших солдат, когда пытали их газом.

– Да... Её зовут... Грин... Эмеральд Грин, – парень всё никак не мог отплеваться и прокашляться.

– Кто она такая? – Джестер опять подошла к столу.

– Я не знаю! Ты сумасшедшая стерва! Ты ненормальная! – он явно начал себя накручивать, чтобы справиться со страхом, а потому обзывал свою мучительницу последними словами.

– Ты повторяешься. Да, кажется, это твоё? – Джестер достала из-под скатерти обрезок железной трубы, загнутый на одном конце. – Ты знаешь, я ведь могу выбить тебе все зубы. Ты же земнопони, у тебя даже телекинеза нет. Думаешь, твои друзья будут кормить тебя с ложечки? Правда, боюсь, у тебя больше не осталось живых друзей.

Судя по всему, до сознания нашего пленника дошла мысль, что ему светит жалкая участь инвалида. И тут Профанити словно только что заметил меня:

– Скажи ей! Ты же нормальная! Ты не такая, как она! – я чувствовала истерические нотки в его голосе и понимала, что он скоро сломается.

– Ты знаешь, она ведь и вправду псих. И, боюсь, у меня не хватит сил её остановить, – я изо всех сил старалась подыгрывать, полосатой пони, которая с самого начала взяла на себя роль “злого полицейского”. Мне же в этом безумном спектакле предстояло изображать “доброго полицейского”.

“Ну, прямо детективный роман, только наяву”, – подумала я и продолжила:

– Поэтому, Профанити, у тебя есть только один выход: ты расскажешь всё, что знаешь, а я попробую её урезонить.

Земнопони посмотрел на меня, потом перевёл взгляд обратно на Джестер.

– Да не знаю я, кто она такая. Она просто появилась в Остове не так давно, сломала ребра паре наших парней и мы решили, что с ней будет... безопаснее.

– Потрясающий ответ, браво, – Джестер даже отложила трубу в сторону. – То есть вы отдали свои несчастные задницы во власть бешеной сучке, появившейся из ниоткуда, и даже не удосужились выяснить, чего она от вас хотела? – серая пони вопросительно вскинула бровь.

Профанити покосился на неё.

– Ну что ты. Фергюс в первую очередь поинтересовался, на что она нас пытается подрядить. Ты ж знаешь заброшенные рудники на окраине Остова? Ну, вот там мы и раскапывали завал, пока двое наших парней не сцапали девчонку из вашей деревеньки. Очень зря сцапали, между прочим. Эта коза нас чуть работы не лишила.

– Какую девчонку? – Джестер резко повернулась к Профанити, и тот дернулся, как от удара.

– Ж-желтая масть, синяя грива, подшипник на заднице. Механик. Зелёная бестия сразу

определила её настраивать бурильное оборудование, чтобы пробиться вниз.

Джестер посмотрела на меня.

– Это Рэнч.

“Да, недалеко она ушла”.

– Ага. Тут один из наших парней попытался твою Рэнч оприходовать, так зелёная сука лично затолкала ему в глотку разводной ключ. Ты б только это видела! – Профанити цокнул языком. Впрочем, Джестер на эти красочные подробности никак не отреагировала. Я же с интересом наблюдала за тем, как страх в поведении жеребца сменялся хамством. Судя по всему, это была его защитная реакция. И сейчас Джестер нужно было что-то, чтобы разбить ту шаткую защиту, которую этот парень пытался выстроить у меня на глазах.

– И где она сейчас?

– Наверное, там же в шахте и кукует. Пегаска нацепила на неё рабский ошейник и всё время держала при себе. Куда она, по-твоему, денется? – Профанити усмехнулся, и серая пони тут же вдарила ему копытом по затылку.

– Мы с тобой ещё не закончили. Пегаска, значит, во всём виновата. Вы какого сена решили напасть на Баттерфлай? А?

– Ну, ты видела те игрушки, что мы принесли с собой? Так вот, это был аванс, не растратить который было бы просто преступлением, – Профанити пожал плечами. – А ваш хренов Баттерфлай просто оказался ближе всех. И механичка ваша так рыдала, узнав, что мы пойдём именно туда.

– Аванс, значит, – теперь серая пони держала мусорщика за грудки и упиралась своим носом прямо в его обезображенную морду. – И что вы там копали за такой аванс?

– А твоё какое дело? – раздражённо ответил пленник. По физиономии жеребца было видно: он злился, что сболтнул лишнего.

Джестер ничего не ответила. Она оттолкнула мусорщика от себя так, что железный стул под ним зашатался. В следующее мгновение моя подруга вновь держала в зубах обрезок водопроводной трубы и раскачивала им перед носом Профанити. Жеребец заверещал и начал прыгать вместе со стулом, пытаясь оказаться как можно дальше от своей мучительницы. В тот момент, когда она замахнулась, мусорщик вжался в стул, а я закричала:

– Джестер! Не надо!

Труба со свистом пронеслась мимо носа жеребца, но тот этого не увидел, так как крепко зажмурился, прижав уши к голове. Пленник открыл глаза лишь тогда, когда серая пони легонько постучала его концом трубы по макушке.

– Ау? Есть кто дома? – Профанити даже не поднял на неё глаза. Он полностью ушёл в себя, а именно: мелко трясся, бормотал что-то невнятное и никак не реагировал на копыто Джестер, которым она водила перед его бледным лицом.

– Так, всё ясно. У нас перерыв, – заключила серая пони, и жестом пригласила меня выйти в коридор.

Когда железная дверь закрылась за нами, я, пошатываясь, подошла к Джестер и, запинаясь, тихо спросила:

– Ты что, п-правда пыталась его ударить т-ой трубой?

– А, то есть ты хотела, чтобы я его по головушке погладила? – серая пони вопросительно приподняла бровь.

– Если ты поступаешь с ним так, как он поступил бы с тобой, то тогда… чем же ты отличаешься от него? – спросила я в растерянности.

– Тем, что ему сейчас стыдно и страшно за свои поступки, а мне – нет.

Ответ, полученный от подруги, ошеломил меня. Вдохнув побольше воздуха, я крикнула:

– Ты понимаешь, что так нельзя?! Это неправильно, ненормально! Ты даже не пробовала с

ним поговорить! Ты сразу распустила копыта!

Я орала так, что даже охотник, всё это время молча стоявший у двери, обернулся в нашу сторону. Однако все мои обвинения были встречены совершенно непроницаемым выражением лица серой пони. Как только у меня закончилось дыхание, она взглянула на меня исподлобья и невозмутимо спросила.

– И что ты предлагаешь, жеребёнок?

“Предлагаю?” Честно, я не ожидала, что Джестер будет выслушивать от меня какие-то предложения. Мне просто хотелось уйти подальше от этой пыточной камеры. Выйти на свежий воздух и лягать там снег, пока не полегчает. И как раз это я хотела сказать своей подруге минуту назад.

– Я… Дай мне поговорить с ним. Без всяких копытоприкладств с твоей стороны. Если у меня ничего не выйдет, тогда делай с ним, что хочешь. Только знай, я на это смотреть не буду!

– А, ты хочешь попробовать эту фигню с “добрым полицейским”, – догадалась она. – Хочу сразу предупредить: у нас в Пустошах такое не прокатывает.

– Да если бы ты не устроила этот фарс с пирогом, он бы уже всё рассказал нам! – я продолжала настаивать на своём.

– Вперед. Только не жди от него хороших манер, – прервала она меня и указала движением головы в сторону двери.

За то время, пока мы были в коридоре, Профанити пришёл в себя, а потому поднял голову, едва заслышав скрежет дверных петель. Я вошла в комнату первой, и направилась прямо к нему. Джестер же расположилась у самой двери, и это было очень хорошо: так она меньше нервировала и без того задёрганного пленника.

Мусорщик смотрел с любопытством, как я достаю из седельной сумки фляжку с питьевой водой и откручиваю крышку.

– Держи. Ты же наверняка хочешь пить.

– Пожалуй, я бы не отказался и выпить, после всего того, что она со мной сделала, – прохрипел земнопони, сделав пару долгих глотков, и мерзко осклабился. Я видела, как Джестер стояла в углу комнаты с таким видом, будто она сейчас воткнет копыто себе в лицо.

“Ух, да меня сейчас хоть на постер Министерства Мира помещай”, – подумала я и резко отняла фляжку от губ жеребца.

– Скажи, Профанити, – обратилась я к нашему пленнику как можно вежливее. – Что вы всё-таки копали в этих шахтах?

– И ты туда же? – огрызнулся он и продолжил тянуться к раскрытой фляжке. – А если это тебя совсем не касается?

Я покачала головой, закрыла фляжку и положила её на столик.

– Послушай, если ты будешь играть в молчанку со мной, то моя знакомая всё равно вытащит эти сведения из тебя. Уж поверь, я знаю о её методах не понаслышке.

Пленник дёрнулся и сглотнул.

– Мы копали Стойло. Эмеральд наняла нас для того, чтобы раскопать проклятое древнее Стойло. Она утверждала, что Стойло находится на самом дне шахты. – На этих словах пленник сильно закашлялся и кивнул головой в сторону столика. Я вновь откупорила фляжку, и Профанити сделал из неё ещё один глоток. Похоже, “пряник” действовал эффективнее “кнута”.

– Бурильное оборудование, оставшееся от прошлых хозяев, не работало, поэтому Эмеральд наняла нас – профессиональных “копачей”, – Профанити ухмыльнулся каким-то своим мыслям и замолчал, видимо, ожидая ещё один глоток из фляги. Такими темпами допрос мог идти очень долго, поэтому, увидев, как жеребец вновь указывает своим носом в сторону фляжки, я отрицательно покачала головой и убрала её обратно в сумку.

– То есть, вы поверили Эмеральд на слово?

Профанити посмотрел на меня с неприкрытым раздражением. Его мерзкая ухмылка усиливалась тем чудовищным макияжем, который устроила ему Джестер. Зрелище, честно говоря, было отвратное.

– Дура, что ли? Конечно, у неё были доказательства. Грёбаный ПипБак, который она выкупила у какого-то бомжа за несколько сотен крышек.

– Тот самый, что был у неё на копыте? – решила уточнить я.

– Нет, тот, который она привязала к своему хвосту, идиотина, – пленник мерзко заржал, а я поняла, что от моего авторитета не осталось и следа.

“Ну, конечно, Профанити при помощи этой фляжки проверял, насколько я покладистая. А когда я перестала идти у него на поводу, решил на мне отыграться. Блеск!”

– Так, я чего-то не поняла. Ещё раз: когда вы увидели пегаску в первый раз, на ней уже был ПипБак?

– Да ты вообще какая-то непонятливая, я посмотрю, – грубо перебил он меня.

Профанити внутренне ликовал. Конечно, Джестер распишет его под первое число, но я-то была беспомощна перед его издёвками.

Видя провал моей миротворческой миссии, серая пони подала голос:

– Ну, и как успехи?

– Знаешь, неплохо. У меня уже есть кое-какие догадки, – в ответ на эту фразу Профанити ухмыльнулся, обнажив два ряда жёлтых и пока что ещё целых зубов.

– О, да, догадливая ты моя, давай, спроси у дяди Профанити ещё что-нибудь, – пленник залился отвратительным хохотом.

Глумливый тон жеребца подействовал на меня отрезвляюще.

“Да какого сена?!”

Сейчас Профанити был мне глубоко противен. Его внешний вид, грязная речь, отношение к другим пони. Можно сказать, в моём списке пони, вызывающих острую неприязнь он занял лидирующую позицию.

Я не собиралась учить Профанити хорошим манерам – это было совершенно бесполезно. Не было у меня и желания отыгрываться на нём за мой словесный проигрыш. Но этот гад, на свою беду, был препятствием, мешавшим поискам Эмеральд Грин. Он тратил наше время и нервы, тем самым отрицая своё право на сострадание с моей стороны.

“Значит, ты отказываешься от услуг “доброго полицейского”? Что ж, сам напросился!” – я обошла Профанити с фланга и наотмашь ударила копытом по его забинтованной ране. Я знала, что, скорее всего, пуля так и осталась в его крупе. Мне явственно представилось, как острый кусок железа впивался в его плоть, но сейчас мне было совершенно наплевать, что он при этом чувствовал. Он был помехой: как тот люк в пещеру, как терминал Мэйни, как шкаф с письмами в упавшем самолёте…

Пропустив мимо ушей поток нецензурной брани, прерываемой воплями и хрипом, я начала давить на рану.

– Что. Было. В том. ПипБаке? – спросила я у Профанити, с каждым словом надавливая на его забинтованный бок всё сильнее. Несчастный мусорщик выл от боли, стиснув зубы и роняя слёзы. Судя по тому, что его били судороги, боль была адская.

Я убрала копыто с его раны и придвинула своё лицо вплотную к его заплаканной физиономии.

– Ну! Отвечай!

– Карты Стойла там были. Явно настоящие. Сложные и подробные.

– О, замечательно. Может, ты ещё и номер Стойла вспомнишь? А?

– С-сорок восемь, – ответил пленник и жалобно заскулил.

– А? Не слышу, – сказала я, вновь приближая копыто к его забинтованному крупу.

– СТО СОРОК ВОСЕМЬ! – проорал Профанити, словно это было не копыто, а раскалённый утюг.

Я совсем не удивилась этому совпадению. Скорее, я удивилась одному сильному несоответствию. И, всё же, я решила уточнить:

– Ты уверен, что не ошибся в цифрах?

– У-уверен. У меня день рождения 14 августа.

Джестер, по-прежнему стоявшая у стены, ехидно отметила:

– О, значит, я пришлю тебе в подарок большой черничный пирог.

Услыхав это, Профанити выпучил глаза.

– Д-да что вы от меня хотите?

– Содействия следствию. Э, то есть нормальных ответов, – поправилась я. – Значит Стойло 148, да? В заброшенной шахте, на глубине в десятки метров, на окраине Остова. Так?

– Да. Именно так, мэ-эм.

– Что ж, тогда могу с уверенностью сказать, что вас использовали, – заключила я, глядя в свою планшетку. - Если Стойло 148 и существует, то оно находится где угодно, но только не в этом месте. Согласно моей карте, в пределах Штальбарна существовало только одно Стойло. Оно находилось под главным сталелитейным заводом и значилось под номером 140.

Услыхав это, Профанити выдал гневную тираду:

– С-сука. Так и знал, что этой косоглазой дряни нельзя верить. Пегаска в Пустошах… А этот мудила Фергюс такой: “Разбогатеем, разбогатеем, брат”. И где сейчас этот Фергюс?

Он бы и дальше продолжал свои причитания, если бы Джестер не отвлекла его новым вопросом:

– То есть, помимо оружия вам обещали крышки?

– М-много крышек. Грин сказала, что знает покупателей, которые щедро оплатят нашу работу.

– Но вы так ничего и не нашли?

– Мы докопали до самых старых штреков, но внизу оказался природный газ. Двое наших парней задохнулись, и работы были свёрнуты. Пегаска отправилась получать насосное оборудование, а чтобы мы не сидели без дела, она разрешила нам заняться грабежом.

– Как великодушно с её стороны. Продолжай.

– Два дня назад мы выдвинулись в поход и к утру добрались до вашего леса. Ребята так устали, что решили отожраться и отоспаться впрок. А тут как раз пегаска прилетела и сообщила, мол, механичка настроила насосы, и к нашему возвращению весь газ будет выкачан... – пленник замолк.

– И?

– Что и? Всё, – Профанити нервно тряхнул головой. – Потом пришли вы и всех перебили.

– И у тебя нет догадок, что на самом деле могла искать пегаска в шахтах?

– Можешь пойти и спросить у неё об этом сама.

Удар под дых заставил Профанити согнуться, насколько это позволяли связанные за спиной копыта.

– Придурок.

* * *

Как же всё-таки было здорово выбраться из тех мрачных стен на свежий воздух! Судя по часам моего ПипБака, близилось утро, хотя светать еще не начало. Лёгкий мороз щипал щёки, и всё, в общем-то, было хорошо… Если не считать того, что совсем недавно я сделала очень больно

одному жеребцу. Конечно, он сам напросился, но я не узнавала себя. Раньше мне было бы противно даже дотронуться до него. А тут… меня словно замкнуло. Прямо как в тот день, когда я сцепилась с той задиристой единорожкой в коридоре Стойла. Это тогда я получила небольшой шрам на боку и обрела первого в своей жизни настоящего друга в лице Коппер Вайр.

Это всё адреналин. Действительно, как ещё можно объяснить моё агрессивное поведение? Жестокость, проявленная Джестер, вкупе с тем, что мне пришлось пережить при столкновении с Эмеральд Грин, привели к выработке огромного количества адреналина, который нужно было куда-то девать. Но, если подумать, так ли плохо то, что я оказалась способна на такое?

Для того чтобы ответить на этот сложный вопрос, нужно было как следует отдохнуть. Сейчас я была вымотана до предела и, больше всего на свете, мечтала о крепком здоровом сне, причём, в этот раз, не на мешке с картошкой, а в нормальной мягкой кровати. К счастью, до такой кровати было копытом подать. Мы с Джестер, в сопровождении коменданта Аландера, шли к дому Базилевса. Комендант жаждал новостей, и по дороге Джестер сообщила ему все, что рассказал наш пленник – про нападение, про похищение Хэк Рэнч и про опасную зелёную пегаску по имени Эмеральд Грин.

После того, что случилось на допросе, меня слегка трясло, и я не прислушивалась к разговору. Тем более, это был пересказ недавних событий. Но из того, что я услышала и запомнила, следовало, что комендант был обеспокоен появлением нового врага. Было очевидно, что Эмеральд не была кем-то из мусорщиков. Она пришла откуда-то извне и, скорее всего, была связана с теми пегасами, что скрывались за облаками, как бы дико это ни звучало. Но даже несмотря на сведения, выуженные из Профанити, до конца не было ясно, почему пегаска позволила своим работникам уйти из шахты и заняться откровенным грабежом. Скорее всего, после появления Рэнч и длительных поисков несуществующего Стойла эти пони начали роптать. Тогда Эмеральд, опасаясь бунта, решила подкинуть им лёгкой, как ей казалось, наживы.

Похожие ситуации встречались в книгах про морских разбойников, чьи образы легко удалось примерить на наших врагов. Эти джентльпони удачи работали на тебя до тех пор, пока ты платил им звонкой монетой. В противном случае, они могли захватить корабль и пустить тебя в одиночное плавание без шлюпки или, что гораздо хуже, высадить на острове, населённом, прости меня, Джестер, зебрами-каннибалами. Как бы то ни было, Эмеральд не смогла справиться с ситуацией, и, в ближайшее время, ждать от неё ответных действий не стоило.

Когда мы подошли к самым дверям, я с удовольствием поделилась этими соображениями со своими спутниками. Казалось бы, эта ночь уже не была способна принести новых сюрпризов, но Джестер, внимательно выслушав меня, повернулась к коменданту и сказала:

– Вот видишь, Аландер, что такое сила образования. Там, где другие пони набивают шишки на собственном опыте, Додо помогают её книги. Чем больше в Баттерфлае будет книг, тем быстрее будет развиваться и деревня, и её жители. Додо только недавно с нами, но, будь уверен, она быстро освоится.

“Она что, только что вслух меня похвалила? И перед кем!” Потеряв дар речи, я стояла с отвисшей челюстью и глядела на Джестер. Разумеется, серая пони не была бы собой, если бы не попыталась засунуть своё копыто в мой разинутый рот. Несносная девчонка!

Через пару минут нас уже встречал Базилевс со своим неизменным басом и сдержанно-добродушным настроением. Учитывая, что времени было уже ближе к утру, я предпочла отказаться от ужина и растянулась на простой, но такой мягкой и уютной кровати. Джестер и Базилевс остались на кухне и о чём-то негромко беседовали при свете керосиновой лампы. Уже засыпая, я подумала: “А зачем Базилевсу в доме кровать для пони?”, – но уже через пару секунд спала, крепко, как никогда.

* * *

Моё утро началось, можно сказать, самым обычным образом. Проснувшись от толчка в плечо, я разлепила сонные глаза и увидела прямо перед носом ужасное подобие лица. Покрытое глубокими шрамами, оно глядело на меня пустыми глазницами и ухмылялось зловещей улыбкой своего бездонного чёрного клюва. Увиденное заставило меня подскочить, наверное, метра на полтора. Я чуть не снесла головой ночной светильник и плюхнулась обратно, в тёплую, но теперь безвозвратно измятую постель. Ну конечно! Рядом с кроватью сидела Джестер. Она улыбалась во все свои 36 зубов и держала в копытах жуткую деревянную маску. Мерзавка!

Я разразилась пламенной и не слишком учтивой речью в её адрес, на что Джестер едва не покатилась со смеху. Нет, иногда она была просто невыносима! Схватив подушку, я метнула её прямо в физиономию серой пони и, разумеется, промазала. Мягкий снаряд был ловко отбит копытом и ударил меня по носу. Сообразив, что портить чужие постельные принадлежности невежливо, я отложила подушку в сторону и уставилась на Джестер взглядом, полным порицания. В ответ на это она пробурчала что-то про сонь и сон до полудня и направилась в сторону кухни. Я была возмущена до глубины души. Полудня еще не было! ПипБак высвечивал всего лишь “11:45”. Однако спорить было бесполезно, поэтому я прикусила язык и мысленно пообещала Джестер жестокую месть.

Наверное, я бы вновь зарылась головой в подушку и накрылась сверху одеялом, если бы с кухни не доносился пряный аромат готовящегося завтрака.

“Учись, Джестер. Вот как надо будить сонных и голодных пони!”

Аккуратно заправив постель и наскоро пригладив растрёпанную гриву, я окончательно проснулась и принялась исследовать дом, который вчера из-за усталости толком не осмотрела. Жилище Базилевса полностью характеризовало своего хозяина. Здесь всё было простым, надёжным и, что самое главное, невероятно большим. Конечно, для Базилевса это был более чем скромный дом, всего-то в пару комнат, но, по меркам пони, тут было более чем просторно.

В отличие от Джестер, чей вагончик был заставлен массой всяких интересных мелочей, Базилевс жил скромно, я бы даже сказала, аскетично. Особым убранством его дом похвастать не мог. Всё, что я видела, так или иначе было связано с охотой: снаряжение – сети, капканы, уже знакомый лук, какие-то снадобья и травы, явно предназначенные для обработки ран, и даже книги, теснившиеся на небольшой деревянной полке. Бегло пробежавшись взглядом по их корешкам, я поняла, что, в основном, это справочники и руководства по изготовлению и ремонту все того же снаряжения.

Насколько я могла судить, дом не был обжит. Похоже, его хозяин с большим удовольствием проводил время где-нибудь в горах или в лесу, чем в закрытом пространстве. И всё-таки кое-что примечательное в обстановке этого дома было – деревянные маски, подобные той, которой меня напугала Джестер. Они были выкрашены природными красителями и, очевидно, сделаны грифонами. Вид этих масок немного пугал, но, в то же время, они приковывали взгляд. Я отметила, что все маски висели над дверными проёмами, а самих створок дверей в доме не было вовсе. Когда я спросила у Джестер про их назначение, она объяснила мне, что это копии ритуальных масок грифонов, которые Базилевс сделал сам, а над дверями их вешали, чтобы отпугивать злых духов и дурные сны. Ну, уж отпугнуть сны они действительно умели.

– О, Малиновка! – раздался из кухни бас, от которого будто задрожали стены. – Иди завтракать.

Я смутилась. Признаться, я не знала, как надо вести себя с нашим хозяином и как вообще принято вести себя в Баттерфлае, но я точно знала, что излишние политесы могут привести к конфузам. Другими словами, когда ты пытаешься соблюсти все приличия сверх привычной меры, обязательно где-нибудь случится непредвиденное, и потом ты будешь чувствовать себя не в своей

тарелке. В итоге, я решила вести себя как обычно, и будь, что будет.

– Вообще-то, меня зовут не Малиновка, а Додо, – отметила я, усаживаясь за стол. Джестер расставляла тарелки, пока Базилевс завершал колдовство над огромной плитой.

– Ну что ты! – жизнерадостно пробасил Базилевс, оторвавшись от готовки, – додо, а вернее, дронт, не летает. А Джестер рассказала мне, что ты вполне умеешь летать.

“Однако Джестер здорово приукрасила мои способности”.

– Если уж на то пошло, мистер Базилевс, то я больше похожа на курицу. Могу взлететь, скажем, на забор. Или на крышу дома. Вряд ли меня хватит на большее. Видите ли, я выросла...

– В Стойле. Я наслышан про эти дырки в земле. Очень нехорошие места, – Базилевс покачал головой.

– Вот как? Почему? – как выросшей в Стойле и прожившей там всю свою жизнь, мне было безумно интересно узнать мнение со стороны.

– Потому что Большая Война прошла, Малиновка. Земля больше не полыхает огнём, и жизнь снова кипит вокруг. А пони из Стойл всё еще сидят внутри и боятся выходить наружу, не видя ни солнечного света, ни неба, ни леса, ни гор. Это неправильно.

– Мистер Базилевс...

– Без “мистер”, Малиновка. – Базилевс улыбнулся, и я в очередной раз удивилась его умению изобразить сложную мимику на своей птичьей физиономии. Может быть, дело было в выражении глаз? Глаза Базилевса располагали к себе. Они были спокойные, в отличие от глаз Джестер, в которых всегда играла шальная искорка. Они не были потухшими или безжизненными, нет. Просто Базилевс создавал впечатление грифона, которого было решительно невозможно вывести из себя.

– Эээ, Базилевс... – грифон одобряюще кивнул. – Дело в том, что живущие там, внизу, всё еще считают, что наверху нет жизни. Что мир вокруг мёртв и заражён радиацией. Наши пони боятся Поверхности, как каждый из нас боится неизвестности.

– Значит, им надо показать пару красивых фотографий. Скажем, Джестер в обнимку с Самантой на фоне леса будет в самый раз.

Я решила промолчать про полосатую физиономию Джестер и несколько диковатый вид всех вокруг и просто пожала плечами. Базилевса, впрочем, отсутствие моего ответа нисколько не смутило. Он наконец-то снял сковородку с огня.

“Интересно, что же нам приготовил хозяин?”

– Глазунья! – словно прочитав мои мысли, провозгласила Джестер. – С мукой, черным перцем, тмином и настоящими куриными яйцами.

В принципе, у нас в Стойле готовили нечто, что называлось “глазуньей”, но я сомневаюсь, что пищевой процессор на самом деле мог имитировать животный белок. Впрочем, после тараканьего супа Джестер любая синтезированная еда казалась мне рационом, достойным лишь больниц и детских садов.

Я сидела на большом и крепком табурете, ножки которого, казалось, были сделаны из строительного бруса, и изучала содержимое тарелки. Порции Базилевс, видимо, тоже отмерял, исходя из собственных понятий о размерах.

– Итак, Додо, у нас сегодня есть дела, – серая пони отвлекла меня от созерцания ярко-оранжевого желтка, слегка присыпанного перцем. – Поэтому злоупотребить гостеприимством Базилевса не получится.

Пережёвывая незнакомую пищу, которая была на самом деле вкусной, я удивлённо посмотрела на Джестер. Не то чтобы я рассчитывала на то, что нам придётся прохлаждаться, но деловой настрой моей спутницы меня несколько пугал.

– Что, опять? Тебе не кажется, что после вчерашних дел нужно как следует отдохнуть?

– Не знаю как ты, а я уже отдохнула.

“Уже? Не пони, а ходячая батарейка!” – подумала я, зевая.

– Сейчас я схожу за едой и буду тут ближе к вечеру. А тебе, я напомню, комендант поручил задание: надо пойти в оранжерею и осмотреть системы орошения, которые настраивала Хэк Рэнч. Надеюсь, ты сможешь с ними что-нибудь сделать.

Тут вся сонливость мигом слетела. “Рэнч! Как я могла забыть о ней!?”

– Джестер, кажется, у меня есть идея получше.

Серая пони, которая уже собиралась вставать из-за стола, посмотрела на меня с удивлением.

– Сегодня воскресенье, и это выходной день, – судя по вскинутой брови, Джестер не понимала, на что я намекаю. – Я считаю, что мы с тобой должны отправиться в Остов и спасти Хэк Рэнч!

Джестер села обратно на свой стул и несколько раз моргнула, словно в замешательстве. Я продолжила:

– Судя по всему, там, в шахтах, никого не осталось. Не думаю, что уцелевшие мусорщики захотят вернуться к Эмеральд. Если кто-то и охраняет шахту, то, наверняка, это самые хилые и трусливые представители той банды. И потом, у меня эта история по-прежнему не укладывается в голове. Что на самом деле искала пегаска? Вдруг там лежат несметные сокровища древних пони, или какой-нибудь могущественный артефакт? Я хочу это выяснить.

Всё это время Джестер смотрела на меня с дурацкой улыбкой и молча кивала, видимо, пытаясь вывести меня из себя. Не тут-то было!

– Кстати, о сокровищах. Базилевс, ты ведь читаешь по-грифоньи?

– Конечно, Малиновка, – грифон отвлекся от своей тарелки и откинулся на стуле. – Если текст не написан как курица лапой, разумеется. Почему ты спрашиваешь?

– Видишь ли, наверху, в горах, я нашла тетрадь, некогда принадлежавшую одному грифону... – я замялась, не зная как сообщить Базилевсу про труп, лежавший на круглой двери моего родного Стойла. – В общем, ему эта тетрадь больше не пригодится. Не мог бы ты посмотреть, что там написано?

Базилевс кивнул, и я отдала ему тетрадь.

– Ну, что скажешь, Джестер? По-моему, это интереснее, чем копаться в трубах и вентилях. К тому же, я думаю, мисс Рэнч, когда мы её спасём, сможет справиться со своими системами гораздо лучше меня.

Ухмылка Джестер была мне лучшей наградой. Если бы у меня в голове жил маленький жеребёнок, он бы сейчас прыгал от счастья. “Я подружусь с Рэнч. Два технаря просто не могут не найти общий язык. Мы поставим “Бандит” на крыло и добьемся того, чтобы эта штука полетела, как полагается! А потом, вместе с Джестер, а, может, и с Базилевсом, мы отправимся в большое путешествие за какими-нибудь тёмными тайнами прошлого...”

Похоже, серая пони видела меня насквозь. Она долго не сводила с меня своих зелёных глаз, буквально ловя волны положительной энергии, исходившие от моей счастливой физиономии. Лишь вдоволь насладившись этим зрелищем, она произнесла:

– В таком случае, заканчивай свой завтрак и собирайся. Пожалуй, нам действительно стоит вытащить на свет дневной пропащий круп этой несчастной кобылы.

* * *

Прежде чем начать нашу операцию по спасению Рэнч, мы направились в лавку Бэкфайра докупить кое-какие припасы. Попутно выяснилось, что пистолеты Джестер, выставленные на стенде “оружейных новинок”, нашли своего покупателя каких-то полчаса назад. Как удачно.

Похоже, пушки, проходившие через копыта этого жеребца, очень ценились в здешних краях. И сейчас я тоже имела виды на ремонтный талант Бэкфайра.

Вытащив из мешка трофейный бронежилет и ту груду металлолома, в которую превратилась позаимствованная мною винтовка, я пробудила в этом оружейном кудеснике живой интерес.

Конечно, он расстроился, увидев останки некогда отличной винтовки, но пообещал сделать всё возможное, чтобы из неё вновь можно было стрелять. Разглядывая повреждённую броню пегаски, Бэкфайр подивился тому, насколько она выглядела новой. Лямки были крепкие, и ткань совсем не полиняла. Если бы не уродливое чёрное пятно, расползшееся по внешней стороне бронежилета, можно было сказать, что его только что достали со склада. И, скорее всего, так и было.

Однако самую интересную находку я припасла напоследок. Как только Бэкфайр отложил бронежилет в сторону, я откинула клапан седельной сумки и, крепко обхватив зубами скруглённую ребристую рукоятку, выложила на прилавок грифоний пистолет.

– Ух, Дэзлин, да ты прямо собиратель раритетов, – восторженно воскликнул жеребец. – Ты хоть знаешь, что это такое?

Я вздрогнула. Продавец умудрился запомнить моё настоящее имя, хотя произнесла я его всего лишь раз и довольно негромко. Вот это память!

– Это? Пистолет, приспособленный под лапу грифона. Судя по диаметру ствола, стреляет чем-то мощным, а раз глушителя нет, полагаю, он ещё и очень громкий, – поделилась я своими соображениями. – Но ни названия, ни его марки я не знаю и про себя называю “Орлом снежной пустыни”.

– Кем? – хором спросили Джестер и Бэкфайр.

– Орлом. Это такая гордая птица…

– Была, – заключила Джестер. В твоём случае, уместнее назвать его “Грифоном Пустошей”.

– Пожалуй, – согласилась я. – Жаль он мне совсем не подходит. Даже если его возможно переделать под зубной хват, вряд ли я смогу им пользоваться. У этого пистолета центр тяжести сильно смещён вперёд. И ещё, короб перед спусковым механизмом сделан страшно неудобно. Патроны в него приходится впихивать по одному. В условиях боя перезарядка будет мучением.

– Ба! – воскликнул жеребец. – Я гляжу, с нашей последней встречи ты немало поднаторела в том, что связано с оружием. Слушай, Джестер, у тебя появилась весьма способная ученица, – в голосе Бэкфайра не было ни капли иронии. Неужели я так быстро училась?

Конечно, из-за похвалы со стороны опытного оружейника я засмущалась.

– Но я же не сказала, какая это модель, не указала её калибр или дальность прицельной стрельбы.

– Тогда, Дэзлин, мне бы уже нечего было рассказать тебе о нём, – Бэкфайр подмигнул мне и прочистил горло. Ему не терпелось поведать очередную живописную историю про пистолет, случайно оказавшийся у меня.

Вот только Джестер не разделяла его энтузиазма, поэтому я успела узнать лишь о том, что это оружие изначально было предназначено... для пони, и в таком виде пистолет обладал всеми теми недостатками, которые я перечислила ранее. Патент на эту ущербную модель был продан грифонам, которые заменили зубной хват на “удобную” рукоять и поставили производство пистолета на поток. Что интересно, конкретно этот экземпляр был выпущен уже после Великой Войны на каком-то небольшом заводике, клеймо которого Бэкфайру было незнакомо. Однако он уверял, что качество сборки ничуть не уступает моделям, произведённым во время войны.

– Эй, Бэки, у тебя чайник кипит, – прогорланила Джестер у нас за спиной.

– Что? Где? – от неожиданности жеребец сверзился со стула и завертел головой в надежде найти несуществующий чайник.

– Я говорю, часики тикают, – уточнила она.

– А, ну да, – Бэкфайр вновь вскарабкался на стул и провёл копытом по рукояти пистолета. – Так ты хочешь его продать? – поинтересовался он у меня. – Грифоны к нам захаживают редко, но, будь уверена, хороший наёмник не пожалеет крышек за такую модель.

– Нет, мистер Бэкфайр, я хочу его подарить, но для этого пистолет нужно привести в порядок. И другие вещи тоже неплохо бы отремонтировать.

– У, кажется, я всё понял, – Бэкфайр улыбнулся. – Сделаю в лучшем виде. С винтовкой, конечно, придётся попотеть, а остальное ты сможешь забрать через пару дней. Что-нибудь ещё?

– Да, зовите меня просто Додо. Я не привыкла к своему настоящему имени.

– Категорически возражаю. У тебя красивое имя, и ты зря им не пользуешься. Пока ты будешь называть меня мистер Бэкфайр, я буду звать тебя Дэзлин.

– Додо, Бэки, – окликнула нас Джестер, взваливая на спину рюкзак с купленными ей припасами. – Вы как хотите, а я пошла.

У серой пони всегда всё было слишком просто.

* * *

Мы двигались по старой дороге, некогда проложенной для движения крупногабаритного транспорта, наподобие наземных фургонов и фермерских повозок. Остовы этих транспортных средств тут и там выглядывали из-под снега, но не представляли для нас никакого интереса, поскольку мусорщики смогли содрать с них всё, что имело хоть какую-то ценность. Сама дорога шла по дну ущелья, в котором за годы, прошедшие после катастрофы, случилось несколько крупных горных обвалов. Если одиночные камни величиной с нескольких пони не создавали особых проблем, то бесформенные завалы, покрытые коркой льда, приходилось преодолевать с большой осторожностью. Я ничуть не жалела о том, что приобрела шипованные ботинки. Благодаря их устойчивости и полезным советам со стороны Джестер, я очень скоро почувствовала себя заправским альпинистом.

Преодолев очередной завал, похоронивший под собой несколько грузовых фургонов, я невольно замерла с открытым ртом: прямо перед нами края ущелья расступались, открывая вид на огромную и плоскую, как стол, равнину. Во всяком случае, таковой она мне показалась в первые секунды. Конечно, были в ней и неровности, но могу с уверенностью сказать, что таких плоских и широких пространств я до этого не видела никогда.

В отличие от долины Баттерфлай, надёжно укрытой в горах, эта равнина была открыта всем ветрам, сдувавшим с неё почти весь снег; то тут, то там проглядывала коричневая бесплодная земля. Настоящие горы остались позади, а впереди, у самого горизонта, маячила полоса каких-то плоских холмов излишне правильной формы. На этой вымерзшей земле не росли деревья; лишь одинокая бесконечная линия электропередач уходила в мглу, что висела над этим нерадостным и абсолютно пустым пейзажем.

Конечно, странные холмы заинтересовали меня в первую очередь. Своим видом они напоминали древние курганы, которые я видела в учебниках по истории. Ещё задолго до эры Объединения Племён степные пони-кочевники воздвигали подобные курганы над могилами своих выдающихся военачальников. Однако, если мои глаза не врали мне, до этих холмов был не один километр пути, а значит, они были поистине гигантскими. Это же сколько надо было копать, чтобы насыпать такие горы?

Версия с курганами отпала сама собой, когда Джестер тоном экскурсовода объяснила мне, что эти холмы называются терриконами и представляют собой отвалы пустой породы, некогда добытой в шахтах Штальбарна.

Штальбарн. Перед нашим выходом из Баттерфлая комендант рассказал мне всё, что я должна была знать об этом месте. Во время войны этот город являлся стратегически важным объектом. Север жил тем, что поставлял наиболее качественное сырьё для военных нужд. В случае со Штальбарном, таким сырьём была железная руда высокого качества.

Собственно, своим появлением Штальбарн был обязан редкому природному явлению: магнитной аномалии. Из-за скопления огромных запасов железной руды в этой местности стрелка обычного магнитного компаса начинала сходить с ума: она либо показывала север не там, где надо, либо просто вращалась на месте. Ученые Эквестрии терялись в догадках, как железные руды в таких количествах могли образоваться в предгорьях. Они выдвигали теории одна невероятнее другой: от движения гор до обломков особо крупного метеорита, когда-то упавшего в этих краях.

Как бы то ни было, Штальбарн процветал, если так можно сказать о поселении, развивавшемся в суровых условиях Крайнего Севера. Молодой город, в который пони уезжали в надежде получить лучшие условия, чем в центральной части страны. Это был один из крупнейших центров металлургической промышленности Эквестрии – здесь руду и добывали, и обрабатывали.

Постоянный рост производства, рекорды по выплавке высококачественной стали, создание новых композитных материалов, ранее не имевших аналогов. Штальбарн нередко фигурировал в газетных заголовках, как пример индустриального будущего Эквестрии. Всё это продолжалось вплоть до падения мегазаклинаний.

Разумеется, город был слишком большим, чтобы его можно было испарить одной жар-бомбой, так что кое-какие постройки устояли, а эпицентр взрыва со временем превратился в холодное радиоактивное болото. Остатки магического излучения не давали воде замерзнуть окончательно, и в глубине, ближе к еще теплой земле, завелась жизнь, такая же уродливая и агрессивная, как и оружие, которое её породило. Не удивительно, что все, кому была дорога жизнь, старались держаться от этого болота как можно дальше.

Теперь Остов в плане представлял собой что-то вроде кольца, состоявшего из железобетонных скелетов многоэтажных зданий, и где-то за пределами этого кольца и сохранилась одна из старых шахт, которую нынче оккупировали мусорщики под началом жестокой пегаски по имени Эмеральд Грин.

Мы не могли знать, где она была в настоящий момент. Пегаска могла вернуться в шахту, что сильно усложнило бы нам задачу, а могла находиться совсем в другом месте, отчитываясь перед вышестоящим начальством. Последнее виделось мне наиболее ярко, так как было очевидно, что Эмеральд действовала не по собственной воле, а по указаниям сверху. Так или иначе, в наши планы не входило открытое столкновение с уцелевшими врагами. Нам нужно было пробраться внутрь, найти Хэк Рэнч и вернуться обратно. Что будет с Баттерфлаем потом, я не знала. Возможно, начнётся небольшая война, но, скорее всего, выжившие мусорщики разбегутся кто куда – после такой-то неудачи.

Близился вечер, уничтожая последние частицы тепла. В любую минуту мог подняться ветер, от которого просто негде было укрыться: я не видела ни одного завалящего камешка на многие метры вокруг. Местность выглядела так, словно по ней миллионы лет назад прошлись гигантским катком.

Когда я оглянулась, то поняла, что горы от нас теперь так же далеко, как и плоские терриконы впереди. Сейчас мы находились посреди бескрайней равнины, две одиноких пони наедине с надвигающейся пургой. Чтобы успеть добраться до холмов раньше, чем температура упадет окончательно, и остывающий воздух захватит нас в пронизывающие снежные потоки, мы прибавили темп. Особенно удручало то, что горизонт перед нами уже терялся в снежной мгле. И

снег не заставил себя долго ждать.

Нос начал обмерзать и сопливиться, но дышать ртом Джестер мне строго-настрого запретила. Оно было и понятно: на таком ветру застудить горло – пара пустяков. А я была из тех кобылок, что учатся на своих ошибках. Во всяком случае, стараются учиться. Поэтому, поплотнее замотав шею и верхнюю часть лица шарфом, я шагала вперёд, игнорируя комья мокрого снега, налипавшие на стёкла моих лётных очков.

Даже если бы я сейчас путешествовала в одиночку, то никакая сила не заставила бы меня подняться в воздух, в это темнеющее пустое небо. Однако никто не мешал мне включить воображение и представить себе, как мы выглядим с высоты птичьего полёта – две крохотных фигурки, бредущие посреди бело-коричневой пустыни.

Следов нападавших нигде не было видно: из-за сильных ветров, хозяйничавших на этой равнине, тонкий слой снега мгновенно очищался от любых неровностей. Линия электропередач уходила от нас куда-то в сторону. Возможно, она заходила в Штальбарн в другом районе, а возможно, шла мимо города, к какому-то другому объекту, затерянному среди снегов. Я не заметила, в какой момент мы сошли с дороги и пошли по целине. Грунт, впрочем, промерз до состояния камня, и идти было несложно. Понятно, почему на этой равнине совсем ничего не росло.

Несмотря на близость к залежам руды, компас моего Л.У.М.а работал исправно. Сейчас ПипБак получал данные о моем местонахождении прямо из космоса. Да, Эквестрийская космическая программа не была реализована в полной мере, но военные успели создать глобальную навигационную сеть из автоматических спутников связи. Благодаря питанию от солнечных батарей, они уже двести лет болтались над нашими головами, передавая сигналы в пустоту.

Думаю, мой ПипБак был одним из немногих устройств, получавших эти сигналы. Спутники передавали альманах для вычисления координат, а также данные о той местности, где я находилась. Именно благодаря этой сети в навигатор ПипБака подгружались те карты и отметки, которых в его памяти не было изначально. Я точно не знала, где располагаются шахты, а поэтому установила пользовательский маркер где-то в центре Штальбарна. Теперь компас показывал азимут на эту точку, и когда мне стало совсем нечего делать, я уставилась на дальномер, отсчитывавший метры до предполагаемой цели.

Когда моё копыто ступило на склон террикона, уже начало темнеть. Поднялась пурга, но подветренная волна уносила её вверх. Было странно смотреть, как спускающийся с холма снег вдруг подпрыгивал и взмывал в небо без всякой видимой причины. За двести лет насыпная гора подверглась сильной эрозии, и в ней образовались неровности, в которых, можно было попытаться укрыться от ветра. Пора было устроить привал.

Я ждала, что к этому моменту буду валиться с ног, но, как ни странно, этого не произошло. Похоже, что дни, проведенные на Поверхности, сделали меня сильнее. Только сейчас я осознала, что здесь мои способности растут гораздо быстрее, чем за все время, проведенное в Стойле. Глядишь, такими темпами прогулки через пол-Пустоши станут для меня обычным делом. Жаль лишь, что мои крылья не крепли так же быстро. Но, с другой стороны, мне все же было уютнее на земле, чем в небе. Здесь я видела, по чему я иду, а главное – куда я иду. В воздухе же не было вообще ничего, и это было хуже, чем плоский снежный океан. “У меня что, агорафобия?”

Пустошь... Оглядываясь назад, на промерзшую, бесплодную равнину, я как будто начала понимать, почему пони используют это слово. Но, если подумать, до войны тут же всё было примерно так же, верно? Это крайний север Эквестрии, и, возможно, что крайний север материка, то есть даже в те времена – едва ли густонаселенный регион. Мне сложно было представить, что происходило сейчас на юге, хотя я и видела фотографии довоенных лет. Здесь же всё пока выглядело не сильно хуже, чем должно было.

Но, не успела я додумать эту мысль, как Джестер окликнула меня: оказывается, она успела найти какую-то не то расщелину, не то дыру в терриконе, где нам предстояло отдыхать, пока не наступит ночь. Если верить карте, то шахта находилась прямо по ту сторону холма.

В последний раз я оглянулась назад и заметила кое-что необычное, чего не увидела до этого. Видимо, раньше эти сооружения были скрыты снежным туманом, или я просто не придала им значения. Несколько металлических конструкций очень странной формы виднелись вдали, ближе к горам, с которых мы вышли на равнину. Похожие на журавлей, древних птиц из моих книг, они стояли, словно замерев на вечном водопое.

– Джестер! Что это там вдали? – я поспешила догнать свою спутницу, которая уже раскладывала содержимое своих седельных сумок и собиралась приготовить нехитрый походный обед.

– Где? А, это, – она посмотрела на горизонт, куда я указала ей копытом. – Нефтяные вышки. При хорошей погоде ими пользуются как ориентиром.

“Нефтяные вышки?” Железные конструкции были похожи не то на окаменелые скелеты, не то на кукол-марионеток, забытых каким-то древним кукловодом, и было в их очертаниях что-то неправильное, неестественное...

– Джестер, я не понимаю. Великая Война началась из-за угля. Верно? Но в процессе войны пони научились добывать нефть, создали спарк-батареи и открыли еще уйму источников альтернативной энергии. Так почему же война продолжалась?

Джестер молча помешивала какое-то довольно экзотично пахнущее варево, которое она грела на бензиновой горелке и, видимо, думала, с чего начать. Наконец, она ответила мне:

– Ты знаешь, моё мнение на этот счёт такое: нельзя просто так взять и остановить войну, если ты не воевал тысячу лет. Пони словно дорвались до войны и стремились насытиться ею; они умирали и страдали, но всё равно жаждали войны. Это как огромный кровавый шабаш, праздник крови. Что удивительно: мы ведь от природы травоядные животные... И возможно, если где-то в другой вселенной живут пони, которым звезды не дали разума, как свиньям или овцам, то они и по сей день находятся в гармонии с природой, едят траву и боятся вида крови. Но, к сожалению, мы – разумные существа, и законы природы на нас не действуют.

– Разумные? Как разумные существа могли уничтожить собственную планету?

– Я сказала “разумные”, а не “рациональные”, Додо, – Джестер подмигнула мне и поднесла половник с супом ко рту. – Горячо. Возможно, дело в том, что общество пони строилось на матриархате, а кобылки в принципе более подвержены эмоциональным всплескам, чем жеребцы. Но я в это не верю. В Эквестрии было достаточно и жеребцов, и кобыл, которые могли воспротивиться происходящему. Но эти пони ничего не сделали. Они просто получили то, чего хотели.

Я задумалась. А как же Министерство Мира? Министерская кобыла Флаттершай явно была из тех, кто противился всеобщей жажде крови. Или нет? Я спросила об этом Джестер, которая уже нарезала хлеб кусками.

– Флаттершай? Это та самая, которая создала матрицу мегазаклинания и отдала зебрам? Терпеть её не могу. Своими благими намерениями эта пони вымостила дорогу в ад. А ведь она являлась главой Министерства Мира! Неужели с высоты её кресла не было видно, что из этого выйдет? О, я скорее поверю в то, что Флаттершай хотела потешить своё собственное эго. Иногда, Додо, если хочешь помочь кому-то, то лучше не делать вообще ничего, чем пытаться сделать хорошо всем и сразу. С другой стороны, мне нравится, что Война закончилась именно так – феерично и с большими взрывами. Если бы они свернули всё и сели за стол переговоров – это было бы... Ну, примерно, как недополученный оргазм.

Будь проклята эта серая зараза и её метафоры! Красная, как помидор, я схватила свою миску и кусок хлеба, отвернулась и принялась энергично жевать, затылком чувствуя довольный

взгляд своей спутницы. Как она вообще может говорить об этих вещах такими словами?

– Сама посуди, Додо. Теперь вокруг нас удивительный мир, полный неизвестных древностей и невиданных опасностей. Даже ты, всего несколько дней назад выбравшись из Стойла, уже ввязалась в, между прочим, смертельно опасное приключение. Это же намного интереснее, чем прожить всю жизнь, собирая яблоки.

– Это так, но... – Мне было неловко задавать Джестер настолько личные вопросы. – Разве ты не думаешь завести семью? Осесть где-нибудь... в том же Баттерфлае?

Джестер увлеченно черпала похлебку себе в миску, и я не видела её взгляда. Но то, что она сказала, заставило меня больно прикусить язык.

– Додо, если ты не заметила, я – гибрид, а все гибриды от природы бесплодны. Так что, боюсь, что семейное счастье – не для меня. И слава Селестии, что это так. – Когда Джестер подняла взгляд, она не выглядела ни задетой, ни расстроенной. Похоже, моя подруга действительно верила в то, что говорила. И я поймала себя на мысли, что я, как ни странно, тоже рада этому. Я не могла представить себе Джестер в нормальных житейских условиях. В самом деле, серая пони была не от мира сего, словно сама Пустошь породила и вскормила её. Эти её внезапные появления и исчезновения, невероятные боевые движения и неунывающий нрав – всё это приучило меня смотреть на неё как на эдакое потустороннее существо, которое всегда было и всегда будет. Я в полной мере почувствовала, как мой разум и мои ощущения разошлись друг с другом во мнениях.

– Не переживай, ты меня не задела, Додо. Я давно поняла, что если ты хочешь обрести своё счастье, то тебе надо просто принять себя такой, какая ты есть. Надо менять то, что в твоих силах, и отпустить то, чего ты изменить уже не можешь.

Принять себя едва летающей пегаской, чье призвание в жизни копаться в электропроводке? Ну уж нет, такого будущего я себе точно не желала.

– Знаешь, Джестер, пока я еще не поняла, какая я есть. И я чувствую, что со временем смогу научиться большему, сделать большее, стать большим, чем то, что я есть сейчас. Вокруг такой огромный мир, и я хочу увидеть как можно больше интересного, прежде чем смогу с трудом передвигать собственные копыта. Да, я получила свою кьютимарку, но это не то, о чем я всегда мечтала, и если бы я смогла её изменить, то с удовольствием сделала бы это. Но сначала я должна узнать, каково моё истинное призвание, и я буду пробовать себя в каждом приключении, которое мне подвернётся, потому что без приключений я могу с тем же успехом забраться обратно под землю и не показывать оттуда носу. Селестия мне свидетель, я никогда снова не сверну с пути приключений и не вернусь к повседневности!

Джестер встретила мою речь нарочито медленным цоканьем копыт.

– Браво, жеребёнок. Наверное, после таких слов мне уже неприлично называть тебя “жеребёнок”. Пожалуй, мне стоит называть тебя “Мисс Додо”.

– Издеваешься?

– Ничуть. Мало кто в Пустоши готов хотя бы произнести такие слова, тем более – оторвать свой круп и что-то сделать. Все пони вокруг изо всех сил цепляются за повседневность, даже мусорщики, которые были бы рады превратить своё ремесло в рутину, уютную и безопасную. Может, из тебя получится настоящий герой, а? Может, тебе даже однажды дадут какое-нибудь легендарное прозвище.

– Ты точно издеваешься...

– А пока что, мой юный герой, нам надо поесть. Скоро стемнеет и придёт пора творить наши тёмные дела.

* * *

Я уже начинала привыкать к тому, что разглядываю стан врага через оптические приборы. Но, в отличие от лагеря в лесу, шахта была почти полностью скрыта пургой. Завывающий ветер поглощал все звуки и сокращал видимость до десятка метров от силы. Часовых не было видно, но, наверное, и нас им тоже видно не было. Ох, должно быть, Джестер тут будет раздолье.

Через снежную пелену мне удалось разглядеть, что вся местность была завалена всякого рода мусором: пластиковыми пакетами, банками, бутылками, железками и гнилыми досками. Если бы я не знала наверняка, то подумала, что это не шахта, а помойка всего Остова. Впрочем, не исключено, что так оно и было.

Не имея возможности увидеть что-либо еще, мы взяли оружие на изготовку и осторожно начали спускаться вниз по склону террикона. Я уже довольно свободно обращалась со своим пистолетом: умела его оперативно перезаряжать, снимать с предохранителя и даже досылать патрон в патронник. После установки глушителя звук выстрела стал совсем тихим. По идее, на фоне воющей метели его вообще не должно быть слышно.

Красная точка лазерного прицела весело прыгала передо мной в темноте, отражаясь от отдельных снежинок, и словно заманивая вперед. Было приятно думать о том, что этот огонёк – мой маленький друг и незаметный предвестник беды для моих врагов. А не наоборот.

Сама шахта представляла собой что-то вроде небольшого городка, с бараками, сторожками, будками неизвестного назначения, а между ними была проложена целая сеть узкоколейных железных дорог. Тут и там валялись перевернутые набок вагонетки, а на запасном пути застыла механическая дрезина. Несколько семафоров до сих пор работали и светились зловещими красными огоньками.

Мы с Джестер двигались перебежками от одного барака к другому, замирая за каждым новым укрытием и напряженно вслушиваясь в вой пурги. В данных условиях враги имели все шансы выскочить на нас внезапно и с любой стороны. И во многом наша судьба зависела от того, сможем ли мы выскочить на них внезапнее.

Через некоторое время мы наконец-то смогли разглядеть ориентир: вход в шахту был ярко освещен ртутным прожектором. Я знала про такие кристаллы: в них закачивались пары ртути, и поэтому они светили намного ярче обычных. Эта технология была разработана задолго до появления таких компактных и безопасных кристаллов, как в “Лайтбрингере” Джестер и требовала больше энергии, но свою задачу выполняла на отлично. Впрочем, в Стойле, по понятным причинам, подобные источники света не использовались.

Пока что всё шло хорошо, и мы довольно быстро приближались к нашей цели. Правда, я все-таки умудрилась наступить на разбитую бутылку, за что получила подзатыльник от Джестер. Но уже через десять минут мы прятались за очередной опрокинутой вагонеткой, и нашему взгляду открылся вход в шахту. Это были ворота весьма солидных размеров из бетона и железа, достаточно большие, чтобы в них мог проехать поезд. В пятне света ртутной лампы я увидела крохотную сторожку, в которой горела, судя по всему, керосиновая лампа. А перед этой сторожкой, укрываясь от ветра под толстыми капюшонами, стояли два жеребца – единорог и земнопони. Они курили какую-то гадость, передавая сигарету друг другу.

Джестер подобралась ко мне вплотную и почти касалась меня своим носом.

– Додо, я хочу, чтобы ты разбила фонарь. Постарайся попасть прямо в лампу.

Я кивнула и попыталась прицелиться. Признаться, это оказалось совсем не просто. На таком расстоянии красная точка прицела плавала из стороны в сторону, как бы я ни пыталась удержать её на месте.

– Постарайся задержать дыхание, жеребёнок. Если ты попадешь в железный плафон, эти двое узнают, что мы здесь, и тогда наши крупы будут дымиться, как горящая покрышка. Не жди,

пока точка остановится: подгадай момент и дави на спуск.

Я сделала так, как она сказала. Замерев в более или менее удобной позе, я выдохнула и услышала, как бьется мое сердце. В течение пары ударов я отметила, насколько далеко отклоняется красная точка, и когда та пошла в обратную сторону, решительно стиснула зубы, тем самым приводя в действие спусковой механизм пистолета. Мягкий хлопок и уже привычная отдача; площадка перед воротами погрузилась во тьму. Я услышала, как часовые с испугу вскинули оружие и принялись грязно ругаться.

– Тихо, Додо. Они еще не знают, что здесь кто-то есть. Но если у этих парней имеется хотя бы капля мозгов, они пойдут проверить. Для успокоения совести, не более того.

Так и произошло. Единорог зашёл в сторожку, взял керосиновую лампу и направился в темноту, правда, не в нашу сторону.

– А что нам делать теперь? Джестер? Джестер?

Но Джестер рядом не было.

Мне оставалось наблюдать из своего укрытия, как единорог с лампой и ружьем наперевес напряжённо вглядывался в темноту. Земнопони же по-прежнему стоял в двух десятках шагов от него и докуривал сигарету. Но вот за его спиной возникла сумрачная фигура, а в следующий момент жеребец уже барахтался в цепких объятиях моей спутницы, пытаясь оттянуть от своего горла какую-то проволоку или верёвку. “Ой. Надеюсь, она его придушила не насмерть”.

Что Джестер действительно умела – это не тратить время зря. Не успел незадачливый земнопони исчезнуть из поля зрения, а она уже весело рысила по темноте в сторону единорога. Серая пони даже не думала скрываться. С собой у неё был любимый помповый гранатомёт, и это не предвещало ничего хорошего.

Добежав вприпрыжку до мусорщика, Джестер окликнула его в голос. Тот хотел было обернуться, но оказалось слишком поздно: цельный деревянный приклад с размаху прилетел часовому прямо в висок, словно клюшка для гольфа. Удар был такой силы, что единорог, выпустив из телекинеза и лампу и ружьё, отлетел в сторону, и больше признаков жизни не подавал. “Мда, у меня бы так не получилось”.

– Додо, обыщи-ка этого, а я осмотрю того, что за углом.

Верно. Я уже провела достаточно времени на Пустоши, и идея обчистить поверженного врага не казалась такой уж и дикой. На всякий случай я приложила ухо к груди единорога: он был живой, просто в отключке. “Ай да Джестер, ай да умница!”

Бинты, патроны, горстка монет, ингалятор с какой-то гадостью и даже пара динамитных шашек перекочевали ко мне. “Вот уж взрывчатку я точно отдам своей спутнице при первой возможности”. Осмотрев ружьё и оценив его состояние как “очень плохое”, я набила его ствол мёрзлой землёй, и зашвырнула оружие как можно дальше в темноту. Пусть нашему другу будет чем заняться, если вдруг он решит прийти в себя.

– Додо! – Я вздрогнула от неожиданности. – Готова идти?

– Ммм, не совсем, – пожалуй, оставить его здесь просто так будет не очень удачной идеей. – Джестер, веревка есть?

– Хм. Найдется. – Она протянула мне обрывок какой-то не то толстой веревки, не то тонкого каната, и с интересом наблюдала, как я стреножила единорога, завязав его передние копыта сзади за спиной. Теперь зубы ему не помогут, а пользоваться телекинезом вслепую умеет не каждый. Впрочем, даже если он выпутается, это уже отличная тренировка для меня.

– Жеребенок! Кажется, я не знаю о тебе многих интересных вещей? – сказала она и многозначительно подмигнула. Но на этот раз Джестер не удалось меня обмануть: за её сальной шуткой я услышала явное одобрение.

Мы выдвинулись к главным воротам, оставив двоих неудачников дёргаться в своих путах. На противоположной стороне площадки я разглядела силуэт огромной землеройной машины. Она

стояла прямо на склоне, опасно нависая над одним из бараков. Вероятно, грунт осыпался при взрыве, а может просто от времени. Исполинский экскаватор стоял с поднятым вверх ковшом, словно посылая мне какой-то дьявольский привет своей когтистой лапой. Я сглотнула и помахала ему копытом в ответ. Пора было снова спускаться под землю.

~ ~ ~

Заметка: следующий уровень (8)
Новая способность: Тишина и спокойствие. Если вы подкрались к врагу незаметно, он в вашей полной власти. Вы получаете 100% шанс оглушения или убийства ничего не подозревающего противника.